

Имя Вазгена Григорьевича Тальяна — поэта, прозаика и переводчика — хорошо знакомо армянскому читателю. Особенно любимы его произведения детьми, юношеством.

В годы Великой Отечественной войны Вазген Григорьевич прошел трудный боевой путь в составе 511-й отдельной зенитной артиллерийской дивизии. Воспоминания о том суровом периоде жизни писателя нашли отражение в цикле рассказов «Шел солдат не ради славы...», один из которых мы предлагаем вниманию читателей «Комсомольца».

«Шел солдат не ради славы...»

Май 1942 года в Крыму, особенно в районе Керчи, был временем ожесточенных боев. Помнятся дни, когда на передышку не было и одного часа. Бывало так, что и в полночь мы выбегали из землянок, мчались к орудиям и стреляли по самолетам неприятеля. Некоторые из них иногда долетали до расположения нашего зенитного дивизиона и продолжали бомбить полуразрушенную станцию, железную дорогу, аэродром и шоссе.

Позиции нашей батареи были отлично замаскированы. Сколько ни кружились над нашей головой разведывательные самолеты «фокке-вульф», обнаружить нас они не могли. И все же командир батареи, человек высокого роста, со смуглым лицом и черными смоляными бровями, капитан Мартиросов, сказал как-то:

— Не сомневайтесь, они и нас найдут.

Через несколько дней был дан приказ сменить место батареи. Шли километра полтора, доходили до указанного места и приступали к делу. Только на рассвете возвращались.

Из штаба поступил приказ: в ночь на четвертый день батарею перебазировать на новое место. Было ясно, что нам необходимо срочно все наше тяжелое хозяйство — орудия, снаряды, средства связи, кухню и другие атрибуты — за одну короткую весеннюю ночь доставить на новое место, замаскировать, да постараться найти время для краткого отдыха, чтобы враг с воздуха не застал нас врасплох.

На рассвете четвертого дня, слегка замаскировав новую позицию, мы вернулись на старое место, чтобы отдохнуть. Солнце еще только только поднялось из-за холмов, когда голос дежурного заставил нас вскочить на ноги.

— Воздух!

Мы отбросили шинели, на бегу нырнули в гимнастерки, и побежали к орудиям.

На батарее уже кипела работа. Дежурный разведчик громко объявлял данные с НП — наблюдательного пункта: сколько самолетов и с какой стороны летят; командиры огневого взвода отдавали точные приказы о наводке по цели. Короче, все пришло в движение.

И вот стаей ястребов появились в небе штурмовики-бомбардировщики «Юнкерс-87». Открыли огонь зенитные орудия со всех сторон железнодорожной станции. Воздух наполнился непрерывным грохотом. Снаряды разрывались у стервятников перед клювами, под крылом. Казалось, что в голубом небе то тут, то там раскрывались коробочки хлопка и невидимые гигантские руки срывали белые хлопья и уносили их вдаль.

Самолеты непрерывно меняли направление. Это создавало особую трудность в ведении прицельного огня.

— Эх! Ни один снаряд в цель не попал! — сердился толстяк Егор, наш тбилисец, и, втолкнув тяжелый снаряд в пушку, воскликнул:

— Вот этот гостинец — прямо в сердце!

— Ваи, дорогой! — отозвался Аго из Ленинакана,

не отрывая глаз от прицела. — У них животы бронированные, не такие, как у тебя. И ударится, и отскочит...

— Ничего! Мой снаряд продырявит! — убежденно ответил Егор, вталкивая снаряд в замок орудия.

Пронзительный свист прервал их разговор. Первый самолет пронесся в сторону складов. Остальные самолеты ринулись на нас.

— Они явно стосковались по нам, ребята! — пристально глядя в небо и потирая руки, сказал командир нашего орудия, старший сержант Санасарьян, готовясь к бою. И когда самолеты пролетели над нами, он разинул рот от удивления. «Куда же они летят?»

В этот же момент мы увидели, что они стали сбрасывать бомбы туда, где ни села, ни складов, ни какого-то важного объекта не было.

— Слушай, эй, что же они бомбят?

Юнкерсы друг за другом, с ужасающим, отвратительным воем пикировали, сбрасывая свой смертоносный груз, подняв горделиво носы, а затем попарно удалились. На местах падения бомб по кругу извергалась земля.

Командир батареи, видя, что враг ведет неприцельную бомбардировку, прекратил ответный огонь, экономя снаряды.

После нас огонь прекратили и другие батареи, а в небо поднялись наши истребители.

Истребители в воздухе встретились с мессершмидтами, похожими на стрекоз. Завязался воздушный бой.

— Что же привлекло внимание этих господ? — доставая из планшета карту, словно рассуждая с самим собой, произнес комбат.

Он положил на круглый земляной стол карту и стал отмечать те пункты, куда столько «лакомств» посбрасывали юнкерсы, и вдруг громко расхохотался. Мы все обернулись к нему.

Комбат оборвал смех неожиданно. К нему подошел Барботько, политрук, и, посмотрев на карту, тоже стал смеяться.

— Жаль! — сказал он. — Но мы будем рыть новые позиции.

— Вон там, — протянув руку в сторону станции Джанкой, почему-то шепотом произнес телефонист Мукуч, у которого были лучистые голубые глаза. — А что? Далеко разве? Всего сто километров.

Позже мы узнали, что противник бомбил нашу новую позицию, результат тяжелого труда и бессонных ночей.

— Вот почему эта проклятая «рамка» кружилась над нашими головами, — сказал Вердо из Лори.

Именно этот крылатый шпион в майской зелени увидел вырытые нами пятячки и сразу же доложил об этом своему командованию. А те пришли к выводу, что там обосновалась зенитная батарея.

— Теперь будут хвастаться, что целую батарею сравняли с землей, — заметил капитан.

— Но маскировать все-таки надо было, — заключил политрук, улыбаясь.

Перевод с армянского

С. Борисовой.